

## «Я И ТЫ» РУССКОГО БЫТОВОГО РОМАНСА: РЕЧЕЖАНРОВЫЙ И СТАТИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

**Н.Ю. Мухин, И.К. Мухина**

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,  
г. Екатеринбург, Россия*

В статье выявлено, что важной речежанровой характеристикой бытового романа может служить частота использования определенных слов. В качестве инструментария для создания частотного словника текстов бытового романа были использованы компьютерные программы, позволившие выполнить частеречную разметку, привести грамматические формы частотных слов к начальной форме, распределить леммы по частоте встречаемости. Представлен список 25 самых частотных лемм с указанием количеств этих слов в текстах бытовых романсов. Определено, что обращенность, адресация, императивная апелляция к предмету чувств являются обязательными жанровыми признаками романа, формирующим его диалогичность, что подтверждается вариантами грамматического представления действующих лиц в текстах, относящихся к жанру бытового романа: Я (МЫ) ↔ ТЫ (ВЫ); Я ↔ ОН/ОНА; Я ↔ нелично-местоименный объект; нелично-местоименный субъект ↔ ТЫ (ВЫ). Результаты исследования могут быть использованы для решения актуальной проблемы определения романа как жанра, его жанровых признаков.

*Ключевые слова: поэтический текст, бытовой романс, жанровые признаки, частотный анализ*

Русскому романсу, несмотря на его более чем двухсотлетнюю историю и несомненную популярность в самых различных социальных слоях, посвящено сравнительно немного научных исследований, первоначально по преимуществу и вовсе музыковедческих (см. работы Б.В. Асафьева, В.А. Васиной-Гроссман, М.А. Овчинникова, Г.Г. Соболевой и др.), что естественно по причине самой двойственной музыкально-поэтической природы жанра.

Так, в статье 1984 года «“Езда в остров любви”, или что есть русский романс» М.С. Петровский сетовал: «...в работах, исследующих многогранную проблему “слово и музыка”, романсу посвящено немало дельных страниц. Но все эти работы подходят к романсу с того, музыкального берега. Во всяком случае, никто не позаботился выяснить, что есть романс как произведение поэтическое» [9, с. 55].

Кроме того, исследователи обращались в качестве объекта в основном к произведениям XVIII–XIX вв., к эпохе «высокого» романа, скептически относясь к «непрофессиональному» бытовому романсу, упоминая о нем только как о фоне, историко-культурном контексте для настоящих жемчужин романсного жанра; см., например: «Разумеется, мы иллюстрируем эти романсы как своеобразные музыкальные образцы популярного эстрадного искусства конца XIX и начала XX века. Однако подлинная жизнь и судьба русского романа связана с творческим наследием композиторов-классиков» [11, с. 103].

Среди статей, в которых соединяются литературоведческий и лингвистический подходы к исследованию романа, можно назвать работы С.И. Воловой [2], Н.А. Гришановой [4], Я.И. Гудошникова [5], А.А. Камаловой [6], Е.Ю. Хорошко [12], С.С. Яницкой [13] и др. Тем не менее в них признается, что «лингвистика романа изучена недостаточно. Нельзя признать удовлетворительными и существующие на сегодняшний день своды лингвистических характеристик романа» [12, с. 4].

Действительно, в настоящий момент не разработана убедительная научная классификация типов романсов, несмотря на решения, предложенные С.И. Воловой и М.С. Петровским. Не определены в полной мере собственно типологические, речежанровые черты романсного стихотворения (отличительные жанровые особенности романа ученые определяют при этом как специфику «призрачного жанра без жанровых признаков» [9, с. 57]), несмотря на серьезный вклад в данную проблематику, внесенный работами А.А. Камаловой и Е.Ю. Хорошко. Более того, признается, что нет полной ясности даже и в том, какой материал должен использоваться для исследования, поскольку «твердых жанровых признаков романс не выработал» [7, с. 367], то есть до сих пор совсем не очевидно, что считать романсом, а что нет.

При исследовании романа нужно иметь в виду, что в песенниках XIX в., сборниках и антологиях XX в., в том числе антологии «Русский романс» (1987) [10], представлен в основном «высокий» романс, тексты классиков русской литературы – начиная от Ф. Прокоповича и В.К. Третьяковского или Г.Р. Державина

## Речевой семиозис: грамматический и речежанровый аспекты

и А.С. Пушкина; при том, что к ним «были подмешаны» и русские народные, и ставшие народными авторские песни, а также в небольших количествах и бытовые романсы. Между тем взлет интереса к романсу, его популярность и расцвет как поэтического жанра приходится на конец XIX – первую треть XX века, и, видимо, прав М.С. Петровский, полагающий, что «предпринимая попытку описать романс, нужно брать его в момент наиболее полного развития. Правильность этого выбора подтверждается и тем, что вершина развития романса в массовом бытовании совпадает с вершиной романсовости в русской поэзии – творчеством Блока» [9, с. 64].

Начало XX в. было отмечено небывалым до тех пор в культурной истории России бумом вокальных жанров (с романсом во главе), который «получил поддержку» и на «промышленном» уровне в виде нотно-издательской продукции и изобретением фонографа и граммофона. Популярность романса не ушла и с крахом «старого мира»; только в 30-е годы XX в. он стал постепенно уступать место новому словесно-музыкальному феномену – советской песне.

Как уже было сказано, одной из существенных проблем в изучении романса является уточнение его жанровых признаков. В нашей работе мы исходили из того, что важной речежанровой характеристикой может служить частота использования тех или иных слов; первоначальной задачей статьи, таким образом, стало определение «частотного спектра», или «частотной формулы», романсных текстов.

В качестве материала для исследования была выбрана книга-сборник «Гори, гори, моя звезда» (1998), и выбор этот неслучаен. В отличие от других сборников и антологий, в ней собраны тексты, относящиеся по преимуществу к бытовому, а не высокому романсу, и именно того периода «вершины развития романса в массовом бытовании», о котором было сказано выше. Необычен и способ подбора текстов: автор-составитель В.Д. Сафошкин, знаток и коллекционер романсных грамзаписей, не использовал изданные печатные тексты, а «снял» их с пластинок собственной огромной (более десяти тысяч) коллекции, на которых, как пишет в предисловии Изабелла Юрьева, «есть практически все, что когда-то напели Шаляпин и Плевацкая, Давыдов и Морфесси, Вяльцева и Панина, Дулькевич и Вавич, Вертинский и Русланова, Утесов и Лещенко, Церетели и Козин...» [3, с. 8].

Для каждого исполнителя в книге есть раздел, после которого приведена его дискография, во вступительном слове В.Д. Сафошкиным оговаривается, что «тексты романсов на стихи известных русских поэтов часто не совпадают с их канонической версией. В книге приводятся варианты исполнителей» [там же, 10]. Таким образом, это собрание именно тех текстов (всего 351), которые

«массово бытовали», то есть исполнялись и слушались в конце XIX – первой трети XX века.

Для создания частотного словаря нами были использованы две компьютерные программы: лемматизатор-теггер Mystem – с целью частеречной разметки и приведения грамматических форм слов к начальной форме (лемме) – и AntConc, которая распределяет леммы по частоте встречаемости.

При отборе и подготовке материала мы исходили из устоявшихся, общепринятых на сегодняшний день представлений о жанровой природе романса. Из текстов были изъяты припевные повторы; были исключены те широко известные тексты, которые либо явно не относятся к романсному жанру («Раскинулось море широко...», «По диким степям Забайкалья...», «Из-за острова на стрежень», русские народные песни и др.), либо не соответствуют ему по главному, по мнению ученых, жанровому признаку – теме любви, в этих текстах не эксплицированной (например, «Сирени персидской букет»). В связи с тем, что «у романса нет “тем”, у него есть только одна тема: любовь. Все остальное: жизнь и смерть, вечность и время, судьба, вера и неверие, одиночество и разочарование – только в той мере, в какой они связаны с этой главной и единственной темой» [9, с. 65], не следует относить к романсам, в частности, многие вещи А. Вертинского.

Исключенные из материала для анализа тексты не имеют и другого романсного признака – не содержат переживаний лирического героя, а эксплицируют стороннее повествование о них (см., к примеру, «Маруся отравилась»). Все обозначенное выше – песни, однако же они включены не только в анализируемый, но и в другие сборники и антологии на том, видимо, основании, что исполнялись в концертах наряду с романсами, иногда тематически перекликаясь с ними (содержат переживания о минувшем, необязательно связанные с любовью; отражают цыганскую или ямщицкую темы и т. д.). Всего таких песен в книге 64, по числу слов это пятая часть от всех текстов.

Общее количество слов в романсных текстах – 23 736, в полученном списке они представлены 2825 леммами; в таблице приведены 25 самых частотных лемм с указанием количеств этих слов в исследуемых текстах; служебные слова (кроме союза И) исключены.

Таблица  
Список частотных лемм с указанием количеств  
этих слов в исследуемых текстах

№ п/п	Количество	Леммы
1	1494	я
2	873	и
3	821	ты
4	362	мой
5	268	любить
6	245	быть

Окончание таблицы

№ п/п	Количество	Леммы
7	244	вы
8	214	мы
9	207	твой
10	204	любовь
11	185	все
12	181	сердце
13	159	весь
14	131	душа
15	131	он
16	131	она
17	117	жизнь
18	111	день
19	109	забывать
20	106	счастье
21	102	милый
22	100	друг
23	99	один
24	93	мочь
25	92	ночь

Недостоверно в данном перечне отражено положение по частоте лексем ВСЕ и ВЕСЬ, поскольку используемая программа не в состоянии снять омонимию форм этих слов. Что касается союза И, то он оставлен в списке потому, что, по данным частотного словаря О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова [8], это самое распространенное в русском языке слово, вдвое превосходящее по встречаемости в художественной литературе личное местоимение Я, тем не менее с огромным отрывом уступает ему в количественном отношении в романсных текстах. В то же время «за пределами пьедестала» этой тройцы – Я, И, ТЫ – оказываются служебные слова В и НЕ, занимающие, по данным частотного словаря, второе и третье место после союза И по встречаемости.

Такое количественное превосходство Я и ТЫ представляется естественным: «существеннейшая жанровая особенность романа – в почти непрерывной обращенности, адресации» [9, с. 74], «романс обычно выражает конкретные любовные переживания, подразумевающие адресата, субъект стремится к диалогу» [6, с. 113]. Но не только данными личными местоимениями выражаются субъект и объект адресации в романсных текстах.

Нами были выделены следующие модели экспликации двух действующих лиц в романсных текстах.

1. Я (МЫ) ↔ ТЫ (ВЫ). Субъект и объект адресации представлены личными местоимениями первого и второго лица. Это самая частая, типичная модель, которой соответствуют 238 романсов.

Ты скоро меня позабудешь,  
Но я не забуду тебя...

(«Ты скоро меня позабудешь  
(Старинный цыганский романс)»)

Дышала ночь восторгом сладострастья,  
Неясных дум и трепета полна,  
Я вас ждала с безумной жаждой счастья,  
Я вас ждала и млела у окна.

(«Уголок»)

Когда мы расстались с вами совсем,  
Душа исстрадалась глубоко.  
Но в сердце больном кто-то радостно пел,  
Как счастья предвестник далекий.

(«Расцвели хризантемы опять!»)

В случае, если лирический герой эмоционально объединяется с объектом своего эмотивного переживания, местоимение второго лица отсутствует, но в контексте подразумевается своеобразное «МЫ», ассоциативно соединяющее в одно целое в сознании читателя/слушателя этих двух субъектов, разделенных жизненными обстоятельствами:

Мы долго шли рядом, одною дорогой,  
И много хотелось друг другу сказать,  
Надежд и желаний теснилось так много,  
Но мы не решались молчанье прервать.

(«Прости»)

2. Я ↔ ОН (ОНА). Объект любовных переживаний предстает в грамматической «маске» личного местоимения третьего лица, маркирующего того, о ком говорится; всего 21 текст.

Он виноват, но если б он  
Задумал бы вернуться снова,  
Забыла б горе я, как сон,  
Не упрекнув его ни словом...  
(«Не говорите мне о нем»)

Ее здесь нет! Я на прощанье  
Желал ее поцеловать,  
Но не свершилось желанье,  
Лишь ручку мне пришлось пожать...

(«Ее здесь нет»)

Подобная модель экспликации персонажей характерна для романса-повествования; прямого обращения к предмету любви нет, но возможно скрытое, «в надежде, что будет услышано».

Такое соотношение субъекта и объекта типично и для романса-воспоминания:

Как далеко это время!..  
Как он далек для меня!..  
Жизнь, как тяжелое бремя,  
Тянется день ото дня...

(«Мне не забыть нашей встречи»)

3. Я ↔ нелично-местоименный объект (12 текстов).

Объект любви, к которому направляет свой эмоциональный посыл лирический субъект, эксплицирован обращением:

Дай, милый друг, на счастье руку,  
Гитары звук разгонит скуку...

(«Дай, милый друг, на счастье руку!»)

Притяжательным местоимением ТВОЙ (как правило, в форме косвенных падежей – *твои слова, твои глаза* и под.):

Нет! Я не верю обольщениям  
Твоих загадочных очей...  
(«Не верю обольщениям!»)

В тяжелый час здесь, мной назначенный,  
Своей рукой письма я сожгла твои.  
(«Твои письма»)

В безличных побудительных конструкциях модальная оценка эмоционального состояния через его оценочную характеристику как не являющегося необходимым представлена словом категории состояния, употребленным с отрицанием (*не надо*), выражающим модальную характеристику описываемой ситуации в сочетании с инфинитивом, несущим в себе семантику безличного действия:

Я очень спокойный, но только не надо  
Со мной о любви говорить!  
(«Темнеет дорога»)

Конкретный, активный объект, на которого направлены чувства лирического героя, представлен в определенно-личных односоставных предложениях, в которых действие, выраженное сказуемым, относится к единственно возможному лицу и репрезентировано глаголом в форме второго лица единственного числа повелительного наклонения со значением побуждения к активному, наблюдаемому, актуализованному во времени и пространстве действию:

Эх, цыганочка моя,  
Пой, пляши всю ночь для меня!  
Песней душу мне взволнуй.  
Если любишь, так целуй!  
(«Цыганочка моя»)

Как видно, в романах представлены и контексты, в которых основные действующие лица грамматически представлены комплексно: формой обращения и определенно-личными побудительными конструкциями.

4. Нелично-местоименный субъект ↔ ТЫ (ВЫ). Субъект лирического переживания выражен притяжательными местоимениями (МОЙ, НАШ) или определенно-личными конструкциями, которые актуализируют воображаемый любовный диалог «от лица адресанта» – 8 текстов.

Не знать, быть может,  
Придешь ты снова  
Услышать стон мой  
Души больной...  
(«Увяли грезы»)

Оно придет к тебе, как прежде,  
Ты сердца глубину измерь.  
И самой пламенной надежде  
Поверь, поверь, поверь.  
(«Поверь»)

Вам не понять моей печали,  
Когда, растерзаны тоской,  
Надолго вдаль не провожали  
Того, кто властвует душой!  
(«Вам не понять моей печали»)

В таких романах «адресант обнаруживает свое присутствие, называя адресат; обращающийся субъект формирует себя с помощью объекта обращения» [9, 76].

5. Я ↔ «метонимический» адресат. Лирический герой обращается не непосредственно к объекту любви, а к реалиям, имеющим в сознании читателя/слушателя устойчивую ассоциативную связь с этим чувством (4 текста, в том числе и знаменитый романс «Ямщик, не гони лошадей!»). В романах этой модели первому лицу необходимо выплеснуть свои чувства – одновременно всем и никому; субъектность адресата максимально ослаблена.

Ночи безумные, ночи бессонные!  
Ночи проклятые, в вас схоронила я  
Веру в себя, в человека, в прекрасное!  
Вами загублена молодость милая,  
Все дорогое мне, светлое, ясное!  
(«Смятые розы»)

Молчи, грусть, молчи,  
Не тронь старых ран,  
Сказки любви дорогой  
Не вернуть никогда, никогда.  
(«Молчи, грусть, молчи!»)

Как видно из приведенных контекстов, метонимическими адресатами лирического субъекта являются *ночь* как символическое время всех влюбленных и *грусть* как чувство душевной горечи, гнетущее состояние душевного томления, мрачное, подавленное расположение духа и мировосприятие, обусловленные утратой надежды на личное счастье, осознанием невозможности что-то изменить [1, с. 72].

При этом развернутые контексты лирического обращения (например, «Вами загублена молодость милая», «Не тронь старых ран») демонстрируют, что субъект ведет непрекращающийся внутренний диалог со своим возлюбленным/возлюбленной, обращаясь в лирическом монологе не к природным явлениям или собственным душевным переживаниям, а пусть опосредованно, но к объекту своей любви.

6. Нелично-местоименный или отсутствующий субъект ↔ отсутствующий адресат (всего 4 текста). Данная модель выделяется среди других способов маркирования лирических персонажей, так как реализуется, несомненно, в романах (например, в «Утро туманное» – классическом образце жанра), но романах структурно необычных, в которых грамматически отсутствует не только второе, но и первое лицо. В двух из текстов ро-

мансов субъект выражен с помощью обобщенно-личных предложений:

Утро туманное, утро седое,  
Нивы печальные, снегом покрытые,  
Нехотя вспомнишь и время былое,  
Вспомнишь и лица, давно позабытые.  
Вспомнишь обильные, страстные речи,  
Взоры, так жадно и нежно ловимые,  
Первая встреча, последняя встреча,  
Тихого голоса звуки любимые...  
(«Утро туманное»)

В других контекстах наблюдается значимое отсутствие субъекта:

Забыты нежные лобзанья,  
Уснула страсть, прошла любовь,  
И радость нового свиданья  
Уж не волнует больше кровь...  
(«Забыты нежные лобзанья»)

Характерно нанизывание номинативных конструкций:

Ночи осенние,  
Ночи ненастные,

Ветра холодного  
Стоны глубокие,  
Слезы горячие,  
Стоны напрасные,  
Счастье минувшего,  
Грезы далекого...  
(«Ночи осенние»)

Вслед за М.С. Петровским, принято считать, что «назвать романс лирическим монологом мало и неточно. Романс – половинка диалога» [9, с. 80]. Частотный анализ и выявление моделей соотношения романсных субъекта и объекта вполне это подтверждают: обращенность, адресация, апелляция (часто императивная, по Е.Ю. Хорошко) к предмету чувств действительно является почти обязательным жанровым признаком романса, формирующим его диалогичность, поскольку любой романс – это единство, образуемое слиянием «своего» и «чужого» голосов, вечным диалогом (эксплицированным или внутренним, мысленным) лирического субъекта и объекта адресации; лишь в считанных текстах эта тенденция не обнаруживается.

### Литература

1. Бабенко, Л.Г. Алфавит эмоций = Alphabet of Emotions : словарь-тезаурус эмотивной лексики / Л.Г. Бабенко; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2021. – 430 с.
2. Волова, С.И. Русский романс XVIII–XIX вв.: Генезис, типология, поэтика: дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.01: защищена 10.04.1995 / Волова Светлана Ивановна. – М., 1995. – 158 с.
3. Гори, гори, моя звезда: Старинный русский романс. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1998. – 432 с.
4. Гришанова, Н.А. Лексика и фразеология русского романса 40-е гг. XIX в. – начало XX в.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.А. Гришанова. – М., 1996. – 252 с.
5. Гудошников, Я.И. Русский городской романс: учебное пособие / Я.И. Гудошников; [науч. ред. А.А. Слинко]; М-во нар. образования РСФСР, Тамбов. пед. ин-т. – Тамбов, 1990. – 89 с.
6. Камалова, А.А. Когнитивное пространство русского романса / А.А. Камалова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, Педагогика, Психология. – 2019. – № 3. – С. 107–115.
7. Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. Присказка – «Советская Россия» / гл. ред. А.А. Сурков. – М.: Советская энциклопедия, 1971. – 1040 стб. – (Энциклопедии. Словари. Справочники).
8. Ляшевская, О.Н. Новый частотный словарь русской лексики. [Электронный ресурс] / О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров. – URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 18.12.2023).
9. Петровский, М.С. «Езда в остров любви», или что есть русский романс / М.С. Петровский // Вопросы литературы. – 1984. – № 5. – С. 55–90.
10. Русский романс / сост. В. Рабинович. – М.: Правда, 1987. – 670 с.
11. Соболева, Г.Г. Русский романс / Г.Г. Соболева. – М.: Знание, 1980. – 112 с. – (Народный университет, Факультет литературы и искусства).
12. Хорошко, Е.Ю. Лингвостилистические особенности русского романса: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Хорошенко Елена Юрьевна; Белгород. гос. ун-т. – Белгород, 2004. – 23 с.
13. Яницкая, С.С. Романс в русской поэзии XVIII – первой трети XIX века: генезис и эволюция жанра / С.С. Яницкая; Белорусский гос. ун-т. – Минск: БГУ, 2013. – 253 [2] с.; 20 см.; ISBN 978-985-518-808-8.

**Мухин Николай Юрьевич**, доцент, Лаборатория сравнительных исследований толерантности и признания, кафедра иностранных языков и перевода Уральского гуманитарного института, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), [nik.muchin@gmail.com](mailto:nik.muchin@gmail.com)

Мушина Ирина Константиновна, доцент, кафедра фундаментальной и прикладной лингвистики департамента «Филологический факультет» Уральского гуманитарного института, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), golst@e1.ru

Поступила в редакцию 5 февраля 2023 г.

DOI: 10.14529/ling230203

### “YOU AND ME” OF THE RUSSIAN HOUSEHOLD ROMANCE: SPEECH GENRE AND STATISTICAL ASPECTS

N.Y. Mukhin, [nik.muchin@gmail.com](mailto:nik.muchin@gmail.com)

I.K. Mukhina, [golst@e1.ru](mailto:golst@e1.ru)

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation

The article reveals that the frequency of using specific words may be an important speech genre feature of household romance. As a tool for creating a frequency glossary of household romance texts, the software that allowed to make a part of speech tagging, provide the basic form of high-frequency words, arrange the lemmas according to the frequency of occurrence was used. The list of 25 most frequent lemmas is presented; the frequencies of these words in the texts of household romance are also provided. The research determines that addressing and imperative appeal to the object of feelings are the essential genre features of romance forming its dialogic nature. This thesis is proved by variability of grammatical representation of characters in the texts related to the genre of household romance: I (WE) ↔ YOU; I ↔ HE/SHE; I ↔ non-personal pronoun object; non-personal pronoun subject ↔ YOU. The research results can be of use to solve an important problem of determining romance as a genre and its genre features.

*Keywords: poetic text, household romance, genre features, frequency analysis*

#### References

1. Babenko L.G. *Alfavit jemocij = Alphabet of Emotions: slovar'-tezaurus jemotivnoj leksiki* [Alphabet of Emotions]. Yekaterinburg, Moscow, Publishing Cabinet Scientist, 2021. 430 p.
2. Volova S.I. *Russkij romans XVIII–XIX vv.: Genezis, tipologija, pojetika* [Russian Romance of the XVIII–XIX Centuries: Genesis, Typology, Poetics]. Moscow, 1995. 158 p.
3. *Gori, gori, moja zvezda: Starinnyj russkij romans* [Burn, Burn, My Star: Old Russian Romance]. Moscow, Publishing ZAO EKSMO-Press, 1998. 432 p.
4. Grishanova N.A. *Leksika i frazeologija russkogo romansa 40-e gg. XIX v. – nachalo XX v.* [The Vocabulary and Phraseology of Russian Romance of the 40s of the 19th Century – Beginning of the 20th Century]. Moscow, 1996. 252 p.
5. Gudoshnikov Ja.I. *Russkij gorodskoj romans* [Russian Urban Romance]. Tambov, 1990. 89 p.
6. Kamalova A.A. [Cognitive Space of Russian Romance]. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Serija: Filologija, Pedagogika, Psihologija* [Bulletin of the Baltic Federal University Named after I. Kant. Series: Philology, Pedagogy, Psychology]. 2019, no. 3, pp. 107–115. (in Russ.)
7. *Kratkaja literaturnaja jenciklopedija* [Brief Literary Encyclopedia]. Moscow, Publishing Soviet Encyclopedia, 1971. Vol. 6. 1040 p.
8. Ljashevskaja O.N., Sharov S.A. *Novyj chastotnyj slovar' russkoj leksiki* [New Frequency Dictionary of Russian Vocabulary]. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (accessed: 18.12.2023).
9. Petrovskij M.S. [“Going to Love Island”, or What is Russian Romance]. *Voprosy literatury* [Questions of literature]. 1984, no. 5, p. 55–90. (in Russ.)
10. *Russkij romans* [Russian Romance]. Moscow, Publishing Pravda, 1987. 670 p.
11. Soboleva G.G. *Russkij romans* [Russian Romance]. Moscow, Publishing Knowledge, 1980. 112 p.
12. Horoshko E.Ju. *Lingvostilicheskie osobennosti russkogo romansa* [Lingual-stylistic Features of Russian Romance]. Belgorod, Publishing of the Belgorod State University, 2004. 23 p.

13. Janickaja S.S. *Romans v russkoj poezii XVIII – pervoj treti XIX veka: genesis i evolyuciya zhanra* [Romance in Russian Poetry of the XVIII – the First Third of the XIX Century: Genesis and Evolution of the Genre]. Minsk, Publishing of the Belarusian State University, 2013. 253 p.

**Nikolay Y. Mukhin**, Associate Professor, Laboratory for Comparative Studies of Tolerance and Acceptance, Department of Foreign Languages and Translation, Ural Institute of Humanities, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg), nik.muchin@gmail.com

**Irina K. Mukhina**, Associate Professor, Department of Fundamental and Applied Linguistics and Textology, Faculty of Philology, Ural Institute of Humanities, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg), golst@e1.ru

*Received 5 February 2023*

---

**ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ**

Мухин, Н.Ю. «Я и ты» русского бытового романа: речежанровый и статистический аспекты / Н.Ю. Мухин, И.К. Мухина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2023. – Т. 20, № 2. – С. 17–23. DOI: 10.14529/ling230203

**FOR CITATION**

Mukhin N.Y., Mukhina I.K. “You and me” of the russian houshold romance: speech genre and statistical aspects. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2023, vol. 20, no. 2, pp. 17–23. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling230203

---